

Н.А. Хамерзокова

**Комментарий к роману Исхака Машбаша
«Раскаты далекого грома».**

Майкоп - 2006

**Федеральное агенство по образованию ГОУ ВПО
«Адыгейский государственный университет»**

Н.А.Хамерзокова

**Комментарий к роману Исхака Машбаша
«Раскаты далекого грома».**

**Методические указания
по истории адыгейской литературы**

Майкоп - 2006

УДК 82.0 (470. 621)

ББК 83.3 (2 = Ады) 6

X 18

Печатается по решению редакционно – издательского совета Адыгейского
государственного университета

Научный редактор – доктор филологических наук Хачемизова М.Н.

Рецензенты – доктор филологических наук, профессор Чамоков Т.Н.
кандидат филологических наук Нехай Т.А.

Хамерзокова Н. А. Комментарий к роману Исхака Машбаша «Раскаты далекого
грома». Методические указания.- Майкоп, редакционно- издательский отдел
Адыгейского государственного университета,2006,- 53 с.

Методические указания включают собственно комментарий романа
Исхака Машбаша «Раскаты далекого грома». В указании дано
последовательное, построчное разъяснение текста романа, с привлечением
фольклорным материалов. Такое разъяснение позволяет исторически
конкретно и широко истолковать идейно – художественные и жанровые
особенности собственно – исторического романа.

Материалы методического указания могут быть использованы в курсах
лекций по истории адыгейской литературы и литературам народов Северного
Кавказа, при чтении спецкурсов и проведении спецсеминаров на
национальных отделениях высших и средних специальных учебных
заведений Адыгеи.

Адыгейский государственный университет, 2006

Предисловие

Историческая проза Исхака Машбаша явилась новым этапом в развитии современной адыгской романистики. Роман И.Машбаша «Раскаты далекого грома»- первый собственно-исторический роман в адыгской прозе. В нем проявилось стилистическое своеобразие творческой манеры письма Машбаша – прозаика.

Среди разных жанров учебных пособий, наряду с общим жанром семинария по изучению жизни и творчества того или иного писателя, выработался жанр комментария к отдельно взятому классическому произведению.

Предлагаемое методическое указание представляет собой комментарий, в котором дан литературоведческий анализ романа И.Машбаша «Раскаты далекого грома», определивший во многом жанровые особенности адыгского исторического романа.

Методическое указание состоит из трех глав: «Эволюция исторического романа в адыгейской прозе», «Художественное своеобразие исторического романа И.Машбаша «Раскаты далекого грома» («Бзыикъо зау»)). Поэтика романа», «Язык романа «Раскаты далекого грома». В указании дается комментарий текста-оригинала.

Монографических исследований по изучению данного романа нет, но существует ряд статей, название которых читатель найдет в приложенном к методическому указанию библиографическом списке.

Методическое указание может быть использовано при изучении творчества адыгейского писателя Исхака Машбаша в средней общеобразовательной школе и на факультете адыгейской филологии и культуры.

Эволюция исторического романа в адыгской прозе

Богатое устно-поэтическое наследие, влияние художественных традиций русской литературы и творчества адыгских писателей-просветителей XIX века, в котором прослеживается развитие эпических традиций фольклора, синтезированных с традициями русской классики, явились художественно-эстетической основой для возникновения адыгейской письменной литературы и ее жанров, прежде всего эпических. Опираясь на научно-классификационную картину общеадыгской прозы У. Панеша (52), необходимо отметить, что развитие традиций народного эпоса и трансформация их в литературный жанр романа прослеживаются уже на первом этапе развития адыгских литератур, а именно, во второй половине 20-30-х годов. На этот период приходится появление первых адыгских романов «Щамбуль» Т. Керашева, «На берегах Зеленчука» Х. Абукова, «Зарево» М. Дышекова. Противостояние старого и нового миров, контрастное изображение действительности определило проблемно-тематическое содержание произведений и их сюжетно-композиционные принципы изображения. Осваивая фольклорные традиции, прежде всего в средствах изображения, адыгские писатели стремились к освоению литературных средств типизации. Здесь на помощь им пришла прежде всего историческая проза в советской литературе, создаваемая, начиная со второй половины 20-х годов: «Разин Степан» А. Чапыгина, «Одеты камнем» О. Форш, «Кюхля» и «Смерть Вазир Мухтара» Ю. Тынянова, петровская тема в творчестве А. Толстого.

Социально-экономическая перестройка адыгского общества 20-30-х годов во многом определила жанровую направленность первого романа Тембота Керашева как историко-революционного. Интерес Т. Керашева к фольклору, глубокое знание им памятников народного творчества оставили заметный след и в структуре, и в стилистике его романа «Дорога к счастью». Т. Керашев синтезировал фольклорные и литературные средства типизации в

одном произведении, что и принесло ему творческий успех. В романе «Дорога к счастью» автор открыл тип «активной личности, участвующей в творении истории», т. е. личности современника. Образ нового героя, в котором раскрылись бы новые стороны героического народного характера, был затребован обществом. Появление такого героя было подготовлено не только предыдущими рассказами писателя, но и фольклорными традициями. В изображении литературного героя Т. Керашев смог соединить современный ему идеал человека со всем ценным, что было выработано народом на протяжении веков.

Т. Керашев реализовал фольклорные традиции в романе, используя этнографические отступления и сюжетные зарисовки. Проблема воспроизведения национального колорита соприкоснулась с проблемой этнографизма, когда описание превращается в самоцель, порождая тяготения к скрупулезному воссозданию внешнего вида персонажей, одежды, жилища, обычаев, обрядов, народных праздников, танцев, пения... Но у Т. Керашева эти материальные образы народной жизни воссоздают мощную стихию народного бытия, заключают в себе догадки об объективности законов истории.

В решении трудной задачи драматизации и психологизации жанра на помощь писателю пришли сложившиеся реалистические традиции русского романа, эпическое мастерство писателей его времени М. Горького и М. Шолохова.

Историко-революционный роман в какой-то мере художественно подготовил основу возникновения адыгского собственно-исторического романа и определил своеобразие нового жанра.

В исторической прозе Т. Керашева тоже прослеживается влияние традиций фольклора, в особенности художественных моделей историко-героических песен и сказочной прозы, что достаточно обстоятельно исследовано современной адыгской филологической наукой. Характерные

для фольклора богатство и многообразие тем первоначально определили и тематику исторической литературной прозы. Движущей силой, импульсом исторических новелл Т. Керашева и его романа об историческом прошлом «Одинокого всадника» стал унаследованный от фольклора пафос героической борьбы. Ведущим героического сюжета в произведениях становится литературный герой, близкий по структуре личности к фольклорному: Каймет («Абрек»), Анчок («Дочь шапсугов»), Лауркан («Мечь табунщика»), Залоко Ерстэм («Одинокий всадник»).

Роман «Одинокий всадник» Т. Керашева по ряду признаков не является собственно- историческим, это роман на историческую тему, но он явился первым опытом адыгейской исторической романистики. Адыгейская литература по примеру развития раннее бесписьменных литератур прошла стадию романтизма и стадию описательности, прежде чем обрела черты социально-психологического повествования. Об этом свидетельствует роман «Одинокий всадник». Не только фольклор, но и влияние сложившихся традиций советской исторической романистики сыграли важную роль в становлении жанра. Тридцатые годы в русской литературе стали временем расцвета исторического романа. Подтверждение этому - появление исторического романа А. Толстого «Петр I», первого среди многих других. Приложив эту схему к развитию адыгейской литературы, отметим, что первый историко-революционный роман Т. Керашева тоже был написан в 30-е годы. Но общественная и культурно-историческая ситуация того времени лишала адыгский эпос масштабности и многообразия, писательской фантазии.

Второй этап развития адыгской прозы определен прозой военного времени. Преимущественное развитие получили поэзия и малые формы прозы - очерк и рассказ. Война изменила идейно-тематическое содержание произведений, оказала влияние на жанрово-структурные принципы творчества.

Третий этап развития адыгской прозы (с 1956 г.) ознаменовался возникновением и развитием исторического романа. Первый исторический роман в кабардинской литературе «Горцы» А. Шортанова (1954) имел огромное значение для дальнейшего развития большого эпоса, ибо был сделан первый шаг к формированию национально-художественной традиции исторического романа в адыгской прозе. Формирование этой традиции в адыгейской литературе связано с «историческим» творчеством Т. Керашева (повесть «Дочь шапсуга», новеллы «Месть табунщика», «Абрек», «Старый абадзехский охотник», «Последний выстрел» и другие). Т. Керашев новаторски совместил два типа художественного раскрытия конфликтов: сказово-романтический и реалистический. Историческая проза Т. Керашева отвечает основным требованиям к историческому жанру: соблюдение принципов историзма в воссоздании типических сторон жизни исторической эпохи, правдивое воспроизведение типов людей прошлого, выражение в их образах духа времени. Данные принципы воплощены в художественной структуре романа «Одинокий всадник», где изображены социальная, бытовая, национальная, духовная стороны жизни адыгов 18 века. Мастерство сочетания фольклорного сюжета и литературных средств изображения, психологизация конфликта явились главными сторонами национального своеобразия исторического романа Т. Керашева. Анализ духовно-нравственных проблем, сюжетно-композиционного построения романа, текстологические исследования, рассмотрение способов использования в романе этнографического материала, фольклорных и мифологических мотивов, анализ авторской специальной лексики, связанной с институтом коневодства и другими особенностями быта, дают нам возможность судить о своеобразии романа. Оно - в преимущественном интересе к нравственным проблемам, решаемым на национальном материале через художественное рассмотрение законов «адыгэ хабзэ», отношения человека к природе, привлечении фольклорных мотивов. Своеобразие романа находит выражение

в его большом информационном поле, где нашли место сведения из истории, географии, этнографии адыгов 18 века. Это обстоятельство придает некоторым моментам повествования очерковый характер. Большую роль играют в романе фольклорные мотивы и способы художественного изображения, дающие себя знать в способах сюжетного движения и создания образов героев, однако динамика формирования характеров, их психологическая наполненность идут от литературы.

Своеобразие романа Т. Керашева «Одинокий всадник» определяется освоением и трансформацией фольклорных традиций и традиций психологической прозы. За основу языка исторического романа Т. Керашев берет современную литературную речь, используемые элементы архаизации он накладывает на основной языковой фон. Писатель передает языковой колорит гармонично, соединяя своеобразный синтаксис авторской речи, народную поэтическую лексику и широкий спектр изобразительно-выразительных средств.

Третий этап развития адыгской прозы ознаменовался появлением в адыгейской литературе собственно-исторического романа И. Машбаша «Раскаты далекого грома» («Бзыикъо зау»), где проявилось стилевое своеобразие творческой манеры Машбаша-прозаика. И. Машбаш наследовал керашевские и фольклорные традиции, переосмыслив и преломив их через свое видение мира, что составило одну из граней своеобразия романа. Творческое переосмысление фольклорных и архивных материалов в романе выражено в художественной трактовке исторических событий 18 века, воссоздании адыгского менталитета, социальных, психологических и нравственных причин противостояния шапсугских крестьян и бжедугских князей, которое закончилось трагической Бзиюкской битвой. Наличие данного исторического факта в основе романного сюжета дает нам основание утверждать, что «Раскаты далекого грома» - собственно-исторический роман. Подкрепляют эту мысль и другие аргументы: автор, не ограничиваясь

описанием событий, предшествовавших Бзююкской битве, стремится вникнуть в психологию, образ мыслей участников описываемых событий и показать исторический национальный характер. В романе «Раскаты далекого грома» как бы закрепляются характерные черты исторического романного жанра: указана точная дата событий, достаточно подробно воссоздан социально-сословный уклад общества, обычаи, традиции и верования народа, вымышленная история частных человеческих судеб определяет движение повествования, но в нем участвуют и исторические лица, в начале повествования определяется дистанция между временем действия романа и современностью; сюжет многолинеен, композиция многопланова. В романе И. Машбаша присутствуют фольклорные сюжеты и мотивы: герои иногда напоминают нартские персонажи, особенно Цицара - Ляцину. Однако, литературные средства изображения, многочисленные функции природы в романе, психологизация образов героев занимают преимущественное положение в творческой палитре автора. Его приемы заметно индивидуальны. К примеру, машбашевское описание природы отличается от восторженного керашевского скупостью художественных средств и лаконизмом.

И. Машбаш пытается в романе избавиться от традиции черно-белого изображения действительности. Он не идеализирует своих героев, показывает их характеры во всей их противоречивости. Обращение к обычаям и традициям адыгов 18 века способствует психологической мотивации поступков героев. И этот момент составляет одну из граней национальной специфики.

Своеобразие творчества писателя выражается в его художественном угле зрения на события, в осмыслении темы, в его мастерстве, особенностях авторского стиля. Язык романа «Бзююкьо зау» своеобразен и в чем-то уникален: автор наделил героев диалектной речью. Особенность стиля и в

том, что И. Машбаш использует народно-поэтическую лексику и широкий спектр изобразительно-выразительных средств.

Развитие жанра исторического романа имело большое значение для развития национальной культуры. Роман И. Машбаша восполняет белые пятна истории, художественно ее интерпретируя.

Подробный текстологический анализ первых в адыгейской литературе исторических романов «Одинокый всадник» Т. Керашева и «Раскаты далекого грома» («Бзыкььо зау») И. Машбаша позволяет сделать вывод:

- жанр исторического романа в адыгейской литературе формируется на третьем этапе развития адыгской прозы;
- унаследовав литературные традиции исторического жанра советской прозы, адыгейская историческая романистика имеет свою национальную специфику;
- своеобразие адыгейского исторического романа зиждется на преемственной связи с фольклорными традициями в широком понимании, трансформированными в литературный жанр;
- в адыгейском историческом романе прослеживается преемственная связь со всей предыдущей художественной мыслью адыгов: фольклором, эпосом адыгских просветителей, тяготевших к историческому материалу о жизни и судьбе народа, с историко-революционным романом 30-х годов;
- своеобразным является стиль исторического романа, сосредоточенного на решении специфических для адыгов проблем, исторической роли народа и личностей, создания художественного общенационального, народного характера;
- своеобразие и национальная специфика адыгейского исторического романа во многом определяется творческой индивидуальностью и мастерством писателя, его стилем.

Художественное своеобразие исторического романа И. Машбаша «Раскаты далекого грома» («Бзыикьо зау»).

Поэтика романа

Национальное своеобразие произведения неразрывно связано с творческой индивидуальностью писателя, с его мировоззрением.

Третий этап развития адыгской прозы ознаменовался появлением первого в адыгейской прозе собственно-исторического романа И. Машбаша «Раскаты далекого грома» («Бзыикьо зау»). Затем последовала целая серия исторических романов писателя («Жернова», «Два пленника», «Хан-Гирей», «Из тьмы веков», «Адыги», «От восхода до заката»).

«Раскаты далекого грома» («Бзыикьо зау») - первый адыгейский исторический роман о далеком прошлом, где проявилось стилистическое своеобразие творческой манеры Машбаша - прозаика. Исследованию его творчества посвятили свои работы К. Шаззо [70], А. Схалыхо [58], Т. Чамоков [64], Р. Мамий [42], Х. Тлепцерже [59], Ш. Ергук [32] и другие.

Историческая проза И. Машбаша явилась новым этапом в развитии современной адыгской романистики. И. Машбаш наследовал керашевские традиции, переосмыслив и преломив их через свое видение мира. Писатель также опирался на фольклор, что во многом определило своеобразие его творчества.

Опора на фольклор для адыгского романиста неизбежна из-за отсутствия архивных материалов о далеком прошлом народа. Этот пробел восполняют исторический эпос и историко-героические песни. Они могут неточно передать дату события, имена исторических лиц, но достоверны в другом - в восстановлении мировоззрения и восприятия действительности людей 18 века. На романе И. Машбаша, написанном в 70-е годы, не могла не отразиться господствовавшая идеология разграничения классов имущих и неимущих, «черно-белое» изображение событий, а также проявление авторской симпатии к неимущей, угнетаемой стороне. Именно с такой точки

зрения трактуется изображаемый в романе социальный конфликт в литературной критике того времени. Фольклорные тексты лишены этого недостатка - они не заидеологизированы. Трактовка событий может быть утрирована только в плане симпатий или антипатий певца-сказителя, который стремился всегда оставаться объективным. В романе И. Машбаша «Раскаты далекого грома» («Бзыикъо зау»), на первый взгляд, просматривается негативное отношение к угнетателям, олицетворением которых явилась княжеская Бжедугия, и симпатия к трудолюбивой, свободной от княжеской власти Шапсугии. Фольклорные тексты и песни говорят о противоположном и, в частности, о причине Бзюкской битвы. По версии фольклорных бжедугских текстов, не борьба шапсугских крестьян за свободу и месть Шеретлуковым толкнула шапсугов на эту битву, а жажда наживы и захвата земель, которых недоставало многочисленным шапсугам: «Шапсыгъэхэр бэ хьутыгъ, бжъэдыгъор макІэтыгъ. Шапсыгъэмэ пщи, оркъи яІагъэп. Бжъэдыгъумэ пщи, оркъи яІагъ. Шапсыгъэр зэрэбэм пае мыщ къыхъэхэу къяпыйхэу хьутыгъэх. КІалэхэр ахьыхэу, пщыхэр аукІыхэу зэхъум ары язэоныр къызхэкІыгъэр» [75].

«Шапсугов было много, бжедугов мало. У шапсугов не было ни князей, ни орков. А у бжедугов были и князья, и орки. Из-за того, что шапсугов было много, они захватывали земли, враждовали с бжедугами: воровали детей, убивали князей... это и стало причиной битвы» (досл. пер.)

Это, возможно, субъективное мнение бжедугов об описываемых событиях. Основой сюжетного конфликта романа стала шапсугская версия, которая гласит, что причиной войны между шапсугскими тфокотлями и бжедугскими князьями и орками стал отказ последних выдать Шеретлуковых и тем самым нарушить законы гостеприимства. А Шеретлуковы вынуждены были бежать из Шапсугии от справедливого возмездия за совершенные ими злодеяния [76]. Но оба варианта текстов: и шапсугский, и бжедугский - едины в мнении: смерть предводителя бжедугского войска князя Хаджемуква

Батчерия стала невосполнимой потерей для всех адыгов, и победа бжедугов оказалась неокончательной.

«Шапсыгъэхэр шъхъэхьыжьэу
кЮжьыгъэти Хьагъуры япхъоу
ныо горэ къяупчIыгъ:

- Шъыд хъугъэ мардж?

- ПкъуитIу къаукIыгъ.

- Адэ шъо зи шъуукIыгъахэба?

- Хьаджэмыкъор тыукIыгъэ.

- Ащыгъум зэрэбжьэдыгъоу шъуукIыгъэба! Таких сыновей, как мои может

- Сэ скъуитIу афэдэ нычэпэ къальфыжьын. родить любая за ночь, а второго

Хьаджэм ыкъо фэдэ бжьэдыгъу

шъуз ныбжьы къыльфыжьынэп

- ыIуагъ ныом» [76].

Возвращающихся разбитых шапсугов
спросила старушка, дочь Хагуровых:

- Что случилось, мардж?

- Убили двух твоих сыновей.

- А вы кого убили?

- Убили Хаджемукова.

- Тогда вы “убили” всю Бжедугию!

Хаджемукова не родит ни одна

бжедугская женщина (досл. пер.).

Этот отрывок фольклорного текста подтверждает силу духа матери погибших героев, моральную победу крестьян, а также дает объективную оценку противнику, воздавая должное князю Бжедугии Хаджемукову Батчерию. Однако этот факт в романе получит иную интерпретацию. Алкес Хаджемуков в словах убитой героем матери братьев Хагуровых усматривает иной смысл: «Старая мать сказала, что женщины должны рожать добрых, мирных земледельцев, а не жестоких предводителей-войнов, от которых только горе всей жизни. Без них земля будет радовать людей, а без добрых она зачахнет и пропадет» [4; с. 530].

И. Машбаш творчески переосмыслил фольклорные и архивные материалы и выразил в романе свое видение событий. Необходимо заметить, что писатель в романе акцентирует внимание не на самой битве, а на предшествовавших ей событиях. Его цель - показать менталитет адыгов 18

века, проследить социальные, психологические, нравственные причины противостояния шапсугских крестьян и бжедугских князей и орков, которое закончилось трагической Бзиюкской битвой.

В фольклорных исторических песнях ход битвы не описывается, а лишь перечисляются имена участников битвы с соответствующими эпитетами. Певцы-сказители, слагавшие песни о битвах, старались быть объективными, упоминая в песнях имена не только героев, но и трусов, что заставляло людей уважать и бояться их. В эпоху бытования фольклора, как художественно-идеологической формы общественного сознания, отношение к слову, людской молве было чрезвычайно уважительным. Исторические песни не только носители истории, но и хранители обычаев и традиций народа, его патриотических чувств. Так степень горечи в песнях передается не только манерой традиционных причитаний, но и описанием чувств и переживаний.

«Дэнэ кІэпщыр Іэкіэзы
КІэпэ мазэу кЪохъажьы
Хъаджэмыкъо Батчэрый.
Батчэрыегущэри пщы нафэт
Гощмэфэшхор фегъыхы...»
(Архив АРИГИ, д. 18, п. 13, 1963)

Шелковую плетъ роняет
Полной луной заходит
Хаджемуков Батчерий
Известного князя Батчерия
Великая Гощмафа оплакивает...
(досл. пер.).

Для историко-героических песен, в том числе и для песен о Бзиюкской битве, характерны структурные стереотипы; сначала описание двумя-тремя строками или внешности, или подвига, или поступка, характеризующие героя, затем название его имени.

«Шхонч пэкІитІор егъао
Хъагъур зэшитІор еукІы
Къупшъэкъо Бзэджэос».

Стреляет из двустволки,
Убивает двух братьев Хагуровых
Купшоков Бзэджэос.

«Чэщрэ тикьэрэгьул
Мафэрэ лыгьэмэшлуай
ШонтЫжьыкІ шьуи Хьагьундэкьу»

Ночью наш страж,
Днем как огненный смерч
Шонтыжуков ваш Хагундэку.

«Зэкьо зэшыбэмэ яджагьу,
дзэбгьум лыгьэу пэлутыр
Кьымчэрыекьо Нэгьой»
«ИсарыкьыкІэ мэбыбы
Шапсыгьэхэр регьэбыбэхи
Бжыхьакьоджэ Алыджэрий».

Враг многих братьев,
Фланги войска делает
неприступными Кымчериев Нэгой.
Развиваются концы чалмы,
Сметает шапсугов
Бжихаков Алиджерий.

«УепльынкІэ кьопцІэ гьучІышгьу
Ашгьуанэм лыы тхьурбэр кьыдефы
Ахыджагукьо шьуи Якьубэкьу» [77].

Посмотришь, смуглый как железо,
Из пор кольчуги пениться кровь
Ахиджаков ваш Якуб
(досл. пер.).

Роман И. Машбаша «Раскаты далекого грома» безусловно исторический: в его основе лежит действительное историческое событие - битва, состоявшаяся в 1796 году на реке Бзюк; участвуют исторические лица Хаджемуков Батчерий, Хаджемуков Алкес, Шеретлуковы, Екатерина Вторая, Нарыч и другие, что подтверждают фольклорные тексты. Но писатель в художественном произведении дает свою трактовку изображаемым событиям, и его цель не описание самой битвы, а стремление вникнуть в психологию, образ мыслей участников описываемых событий, показать национальный характер народа накануне Бзюкской трагедии. Несмотря на то, что описываемые в романе события известны, нас интересуют мотивы, детали, переживания. «... Когда основные линии сюжета известны, интерес сосредотачивается на глубине проникновения в психологию героя, на

развитии его духовного мира, на тех деталях, которые помогают извлечь максимум интересных выводов из значительного события» [66; с. 122]. Для адыгской культуры роман И. Машбаша больше чем историческое художественное произведение. «В литературах некоторых советских народов исторический роман стал явлением, выходящим далеко за пределы чисто литературного ряда, значительным явлением всей национальной культуры» [66; с. 130-131]. С нашей точки зрения, роман «Раскаты далекого грома» («Бзыикъо зау») стал таким «значительным явлением», хотя соотнесение документально-исторической основы с художественным вымыслом, который должен быть исторически достоверным, типичным для изображаемой эпохи, является сложной задачей.

Как неоднократно отмечалось в критике, национальный характер завязывается главным образом в трагические моменты жизни народа. И на наш взгляд, в основе обращения И. Машбаша к историческому прошлому лежит стремление писателя уяснить себе и раскрыть характер древнего адыга в сложном процессе его формирования.

Исторический роман нередко имеет тенденцию переходить в роман - эпопею. Таков и роман И. Машбаша. Роман охватывает огромный временной отрезок, более полувека, в романе большое количество действующих лиц и почти в каждом из них писатель сумел уловить и передать черты времени и среды, с которой они связаны.

На наш взгляд, в романе И. Машбаша просматриваются традиции исторической прозы Т. Керашева. На первый план И. Машбаш выдвигает вымышленных героев, их личную жизнь, что дает свободу воображению романиста. Собственно исторические лица и события порой составляют фон повествованию. Вымышленная история частных человеческих судеб определяет все движение повествования. Иначе и не могло быть. Документальных материалов не было. Писатель мог опереться лишь на малочисленные фольклорные материалы и свое воображение.

Как и характерно для исторического романа, И. Машбаш в первой главе определяет дистанцию между временем действия романа и современностью: «Шалих вскинул маленькую голову с жиденькой бородой к небу и торжественно изрек: - Сегодня у нас одна тысяча семьсот шестьдесят четвертый год, третий месяц весны, двадцать седьмое число, среда» [4; с. 5]. С первых страниц, указывая точную дату событий, описывая социально-сословный уклад общества, обычаи, традиции верования адыгов, И. Машбаш следует традиционным принципам построения начальных глав, характерным для романов Вальтера Скотта и его продолжателей.

Сюжет романа многолинеен, композиция многопланова. Действие романа разворачивается по всей адыгской земле и за ее пределами (Петербург, Турция). Стремление И. Машбаша охватить адыгскую действительность конца 18 века во всем многообразии, на наш взгляд, помешало писателю углубить психологизм образов, некоторых сцен. Достигнув масштабы изображения, писатель проигрывает в глубине художественной интерпретации исторических событий, их психологизации.

В романе прослеживаются две основные сюжетно-композиционные линии: социальная и любовная.

Основной конфликт романа - социальный, противостояние тфокотлей и князей, уорков. Параллельно с основной линией романа прослеживается «идейный» сюжет необходимости единения всех адыгских племен для создания единого сильного государства. Об этом мечтает князь Батчерий Хаджемуков. Наряду с основным конфликтом И. Машбаш изображает постепенное разгорание пламени Кавказской войны, отношение адыгов разных сословий и племен к политике Турции и России.

Роман И. Машбаша «Раскаты далекого грома» («Бзыикьо зау») со многих сторон охватывает изображаемую эпоху. Столкновения героев, противоборствующих сторон являются частью напряженных больших исторических коллизий, которые характерны для изображаемого времени.

«Лагерь» социальной верхушки правящего класса возглавляет Алкес Хаджемуков. Он показан писателем в динамике, с восемнадцати лет (с возвращения его от аталыка Наго Шеретлукова в отчий дом) и до глубокой старости.

Алкес пережил трагедию Бзююкской битвы, горе утраты брата Батчерия. Психологически емкая, полная драматизма фигура. Он предстает сначала безусым красивым юнцом, лишенным сословной спеси, общающимся с тфокотлями как с равными. Образ Алкеса вызывает симпатию. «Уорки говорили княжичу, что разговаривать и тем более вот так запросто обращаться с тфокотлями унижительно для него, но Алкес почему-то не чувствовал никакого унижения, наоборот, ему казалось унижительным разговаривать свысока» [4; с. 43].

Становление «княжеских» взглядов Алкеса на жизнь по-настоящему начинается в отчем доме под влиянием отца, Великого князя Бжедугии Кансава Хаджемукова.

Кансав Хаджемуков - образец умного, расчетливого, дальновидного и хладнокровного правителя. Автор, опуская подробные описания, лишь одной фразой подчеркивает его сущность: разозлившись на байколя Мерзабеча, «князь (Кансав) взял ее (плеть) и, хорошенько размахнувшись, ударил управляющего, не столько с бешенством, сколько с расчетливой злостью» [4; с. 43].

Один удар плети говорит о княжеском хладнокровии, сдержанности и жестокости. Так начинает Алкес получать уроки мудрости жизни у отца. Прошло немного времени жизни Алкеса в отчем доме, а он уже молчаливо соглашается со словами отца, нелюбимыми для аталыка: «Наго мне не соперник, он просто наглец и очень шумный человек» [4; с. 86]. Молчание Алкеса можно объяснить этикетом: не прекословить отцу - но этикет не должен гасить душевных переживаний, борений чувств, неизбежно возникающих в душе молодого княжича. Об этом писатель умалчивает. В

начале романа Алкес кажется тростинкой, которая гнется в необходимую сторону без особого сопротивления. Порой создается впечатление, что в эпизоде, где Кансав критикует коня, подаренного Алкесу аталыком Наго Шеретлуковым, Алкесу неприятней были слова о его коне, нежели осуждение аталыка. Далее Алкес мужает, приобретает некоторую сословную спесь и княжеский лоск. После смерти отца он становится Великим князем Бжедугии. Проявляет себя умным, хитрым и дальновидным правителем. Не забывая о сословном превосходстве князей, он всячески заботится о сохранении мира в Бжедугии. Мудрое правление Алкеса спасло его страну от страшной эпидемии чумы, и это прославило его. Но теперь это уже не горячий жизнерадостный юноша, который мог запросто болтать с простоллюдинами. «Между князем и тфокотлями пролегла пропасть. Как это случилось, он и сам не знал, но пропасть чувствовал, она его мучила» [4; с. 436].

Писатель наделяет Алкеса - Великого князя Бжедугии - эпитетом «холодный», часто прикладывая его к глазам героя: «Алкес улыбнулся своими холодными и насмешливыми глазами» [4; с. 436]., «Алкес улыбнулся холодными глазами...» [4; с. 469].

«- Успокойся, брат - мягко ответил великий князь, но глаза его вспыхнули знакомым холодным огнем» [4; с. 507].

Убедительно изображен Алкес - дальновидный и мудрый политик, готовый, забыв о княжеской гордыне, искать дружбы у абадзехов для благополучия адыгов: «Если все адыги - князья, уорки, родовитые, тфокотли - не объединятся во имя нашей великой земли, если не будем искать дружбы с сильными народами, нас превратят в рабов, мы пропадем» [4; с. 476].

Алкес до конца противится развязыванию войны с Шапсугией - и не из-за страха или нерешительности. Причина здесь в угрызениях совести за смерть соплеменников. Размышляя над поступками горячего и нетерпеливого младшего брата Батчерия, он говорит: «Зачем ему понадобилось брать на

свои плечи тяжесть братоубийственной войны? «Не торопись, мой младший брат, дойдет очередь и до тебя. Получив титул великого князя, когда ты останешься один на один со своей совестью, когда подумаешь, что рано или поздно тебе придется предстать пред очами великого и вечного судьи и ответить за кровь твоих братьев, которая пролита по твоей воле ... Не ревностью за свою власть, а печалью я томим» [4; с. 514].

Спокойной мудрой рассудительности Алкеса автор противопоставляет горячность и решительность Батчерия.

Запоминающийся момент: Батчерию удалось добиться аудиенции у императрицы Екатерины. Но сцены, повествующие об этой встрече лишь очерчены. Хотелось бы увидеть «изнутри» отношение Петербургского высшего общества и двора к черкесскому князю, а так же узнать о чувствах Батчерия. Необходимо было бы углубить психологически этот эпизод романа, как сделал это Машбаш в романе «Хан-Гирей», описывая петербургский свет и литературные салоны.

Хаджемукovy и родовитые шапсуги Шеретлуковы стали ключевым звеном в завязывании конфликта романа. Несмотря на всю разность их натуры, их роднит классовая принадлежность. Но это «родство» автор усиливает, делая Алкеса Хаджемукова воспитанником Шеретлуковых. Сопоставляя эти образы, И. Машбаш показывает многоликость адыгской верхушки, ее психический склад.

Каждый член семьи Шеретлуковых - тип, характер. Наго Шеретлуков - тип алчного, жадного до денег и титула человека. Если князя Хаджемукovy предстают перед нами в своем аристократическом величии, то Наго напоминает выскочку - плебея, нахавшего богатство и мечтающего купить то, что невозможно - аристократичность. Наго умен, осознает, что его вспыльчивость и поспешность решений опрометчивы, и пытается обуздать свой характер, стремясь подражать хладнокровной расчетливости и хитрости Хаджемукovy, учит этому и сына. Но ... с первых же страниц И.

Машбаш высказывает свое однозначное мнение о Наго: «На людях один, в душе - другой...». Наго сказал это таким тоном, будто только благодаря ему спустилось на землю погожее утро» [4; с. 5], «Наго и паршивого теленка не отдаст, чтобы не получить взамен трех быков. Целовать воспитанника в глазки его заставляет жажда богатства» [4; с. 10], «... в нем дерутся лисья душа и волчье сердце» [4; с. 17]. Кредо Наго Шеретлукова: «Покажешься маленьким, мелким, таким и будешь. Надо уметь держать себя высоко. Иначе нельзя» [4; с. 11]. Корысть и стремление к власти выше отцовских чувств, которые Наго должен был бы испытывать к Алкесу: «Почему бы ему (Алкесу) не навесить нас, не полюбоваться Шапсугией, не порадовать нас? Пожаловал бы со своими байколями и тфокотлями, и все наши недруги, все наши взбалмошные мужики увидели бы, какая сила на нашей стороне. А у кого сила, у того и правда» [4; с. 105]. Своеобразна отцовская любовь Наго и к родному сыну Али-Султану. Она является как бы дополнением к его честолюбию. Вполне возможно, что Наго отверг бы сына, если бы Али-Султан был жалок и убог. Но Али-Султан, красивый сын, наследник - дополнение к вывеске Наго Шеретлукова. В стиле И. Машбаша преобладает описательная манера письма. Он раскрывает, характеризует героя через авторское описание. Повествование романа движется в спокойном русле. И. Машбаш не интригует читателя неожиданными событиями. Заданность сюжета отличает историческую прозу И. Машбаша от исторической прозы Т. Керашева. Так и в истории Наго Шеретлукова. При первой встрече с ним автор намекает, что тот плохо кончит. Прием «забегания» вперед событий и предсказания их присутствует в романе и в других эпизодах. Так Талат (толмач Хасан-Мурада), выражая свою симпатию к адыгам, полон ненависти к лицемерному хозяину Хасан-Мураду: «Несчастье свело меня с тобой, несчастье держит в твоих лапах. Но ничего, ветер еще переменится, отпустит твои паруса и наполнит другие! Ох как туго тебе придется!» [4; с. 38].

Наго Шеретлуков, вспомнив, что Тхахоча (крепостной Наго, возглавивший шапсугскую пехоту во время Бзиюкской битвы, тайный убийца самого Наго) еще мальчишкой выменял на один пистолетный заряд, содрогнулся: «в этом почудилось что-то нехорошее, предостерегающее». И этот «заряд» выстрелил.

Подобное «забегание вперед» событий на интригующей стороне сюжета, заставляет взглянуть вглубь конфликтов, ставших следствием объективных процессов развития адыгского общества 18 века.

Гибель Наго, превращение крепостного Тхахоча в предводителя шапсугских крестьян, протест благородного Талата против работорговца Хасан-Мурада - события субъективного характера и в то же время следствие объективного развития общества.

Чтобы передать атмосферу исторической эпохи, И. Машбаш показывает различные планки внутри княжеского сословия. Хаджемукеры - это верхняя планка княжеской власти, Шеретлуковы - это нижняя, стремящаяся к верхней. Внутрисословное расслоение писатель демонстрирует и на образе женщин. Гордой аристократичности и сдержанности княгини Тлятанай Хаджемукерой И. Машбаш противопоставляет взбалмошную, жестокую и самодовольную Дарихат Шеретлукову. Дарихат угнетает и мужа, и сына, и дворовых. Красота молодости всякий раз напоминает ей о ее старости, с чем она не может смириться. И здесь И. Машбаш вводит третий женский образ - образ крепостной, молодой и красивой девушки Аказы. Противопоставляя образ Аказы образу Дарихат, автор изображает усугубление противостояния хозяев и рабов. Всю злость от своего бессилия вернуть молодость Дарихат срывает на рабыне Аказе. И. Машбаш подробно описывает жестокость и самодурство Дарихат. Но нравственное превосходство Аказы над хозяйкой выражено лишь в словах героини: «Я не осуждаю Дарихат... Такой уж она уродилась. Иногда мне бывает ее жаль... Ей нечего делать, вот она и лезет

езде, во все вмешивается. Я бы на ее месте с ума сошла от безделья» [4; с. 61].

Хагур, любивший Акозу и осознавший бедственное положение простых людей, выразился об этом лаконично, в народном духе: «Перекормленная собака обрастает жиром и потом бесится» [4; с. 61].

В образе Акозы писатель воплотил тип преданной, терпеливой, нежной, трудолюбивой и всепрощающей адыгской женщины. Противопоставляя ее Дарихат, Машбашу удалось ярче высветить характерные черты последней: злую силу, самодурство, коварство и т. д.

Образом князей в романе противопоставлены яркие фигуры крестьян, сыгравших значительную роль в описываемых событиях. Это Ахмед Шепако, Бечкан, Нарыч, Дзепщ, Субаш, Натар, Хагур, Тхахох - представители различных адыгских племен: натухайцев, шапсугов, темиргоевцев, абадзехов.

Несмотря на большое количество героев, писатель посвящает ключевым фигурам развернутые «биографические отступления».

К примеру, подробно описывает историю рода А. Шепако. С нашей точки зрения, это оправдано тем, что Шепако был костоправом, унаследовав свой дар от предков. История его рода и понадобилась автору для вещей убедительности.

Предводителями шапсугского войска во время Бзиюкской битвы стали бывшие крепостные Шеретлуковых Хагур и Тхахох. И. Машбаш стремится проследить эволюцию их взглядов, а также решать нравственные проблемы настоящей дружбы, верности, мужества. В завязке романа (диалог Шепако, Устока и Ахеджака Анзаура) писатель знакомит с братьями Хагуровыми. Вспоминая мужество отца братьев, Усток говорит, что не позавидует всем родовитым шапсугам, обидевшим братьев Хагуровых. Стремясь быть объективным, автор не идеализирует фокотлевскую семью. Как бы следуя поговорке «В семье не без урода», устами Анзаура характеризует Хагуровых: «Хорошо, если братья Хагуровы будут дружны, стеной будут, а то ведь

Шеретлуковы хитры, как лисы, и коварны, как змеи... Да и у Хагуровых уже трещина, этот старший, Бороко, подпевает Наго» [4; с. 21].

Стремясь создать убедительный образ Хагура, И. Машбаш описывает историю его жизни, показывает его поступки в различных эпизодах. Но, на наш взгляд, показать эволюцию героя-предводителя крестьян, писателю не удалось. Помешала многогеройность произведения, потребовавшая множество усилий для художественного изображения, углубленного психологизма ряда героев. Тем не менее в Мосе Хагуре типизированы качества борца за справедливость, показывая его формирование с детства. Бунтарский дух и твердая рука Хагура проявились в пятнадцать лет. Стремясь отомстить за смерть отца, Мос поджег скирды сена Абатовых. Но и Машбаш реалистически показывает в нем человека с его слабостями. Так Мосу - ребенку ведом страх, он стал скитальцем только потому, что заблудился в лесу, а выжил благодаря помощи абрека Тамбира. Однако преобладают позитивные качества: Мос - человек мужественный, гордый, умный, верен долгу, чувству товарищества, осознает дистанцию между ним и хозяином, и, тем не менее, именно Шеретлукову Мос рассказывает о своих чувствах к Акозе. Его великодушие проявляется в способности простить своего злейшего врага: «- Я прощаю тебе, Мамруко, зло, которое ты причинил. Пусть тебе станет хоть немного легче на том свете». Далее звучит несобственно-прямая речь героя. «Он и сам не понял, зачем это сделал. На душе потеплело, как будто сквозняк образовался, теплый ветер прошел, неведомо откуда и куда, и пропал» [4; с. 304].

В образе Моса изображены и рост социального сознания крестьян и вера в хорошего князя. Он мечтает: «... Ведь если бы все адыги объединились и выбрали справедливого князя, чтобы управлял адыгской землей, у нас наступил бы мир и покой» [4; с. 406].

Диалектику единичного и общего, индивидуального типа и собирательного образа хорошо выразил К. Шаззо.

«Каждый характер, - пишет К. Шаззо, - обладает значительными психологическими ресурсами, способными породить и порождающими свою сюжетную, повествовательную линию, законченность и цельность ее. И. Машбаш выписывает характеры отдельных личностей из народа и на основе этого создает общенациональный, народный характер» [70; с. 221].

Психологически глубокий характер, представляющий среднюю ступень в социально-классовой иерархической лестнице, показан И. Машбашем в образе Анзаура Ахеджака. Он является связующим звеном между князьями и крестьянами. Он аульский эффенди. Динамичен образ Анзаура Ахеджака, слабого, малодушного, но незлобного и в чем-то несчастного человека. Автор создает психологически глубокий образ, прежде всего представляя его эволюцию: в начале романа - это глубоко обиженный Шеретлуковыми человек (сын Шеретлуковых Али-Султан во время игры хладнокровно поломал ногу единственному сыну Анзаура Натару), готовый идти против князей, защищая свои права. В отместку за причиненное его сыну зло, Анзаур отважился сжечь шеретлуковскую пшеницу. Для его понимания важно вдуматься в его размышления о мужестве, которое «многokrатно пытается ... человека. А главное - мужество не верит слову, ему подай дело» [4; с. 32].

Мужество оказалось не по плечу Анзауру, он не смог устоять перед испытаниями и искушениями жизни. Материальное благополучие (начиная с подкупа - подарка Шеретлуковых) потихоньку загнало мужество и бескорыстие Анзаура в дальние закоулки его сердца. Став аульским эффенди, он искренне верит, что делает людям добро, вселяя в них чувства святости и покорности. Но он слаб и незаметно для себя начинает идти на поводу у Шеретлуковых. Автор тонко подмечает его психологию. К примеру, реакция на слова жены: «Ты живешь здесь как посланник великого аллаха, аллах стоит над всеми живущими на земле. Ты тоже должен быть выше и родовитых, и фокотлей» [4; с. 329].

Судьба Анзаура трагична. Он погубил сына Натара, не сумев понять и смириться с тем, что Натар стал образованней его и не приемлет образ мыслей отца. И только слова, случайно подслушанные Анзауром на хасэ, отрезвили его и заставили переоценить свою жизнь: - Как же так получилось, что у такого плохого отца вырос такой хороший сын? - Валлахи не знаю! Видимо, очень тяжело было парню. Да и как ему могло быть, если отец велел растоптать сына копытами лошадей.

- Выходит, он сам загубил своего сына, пролил кровь. Какой же он после этого эффенди? Разве аллах позволяет топтать своих детей конями? Наверно, он не богу служил, а нечистому, покарай его аллах за такие дела! [4; с. 510].

Как эхо повторяются им чужие слова: «Нечистому служил всю жизнь. Золоту служил, злу, смерти! Как горько услышать такие слова под старость лет. И как теперь оправдаться перед людьми, как вернуть себе доброе имя, которое дороже жизни?» [4; с. 510].

Анзаур Ахеджак принимает участие в Бзюкской битве и погибает. Иначе и не могло быть. Этот исход типичен для характера адыга: единственным искуплением вины могла быть только смерть в справедливой битве. Только она оправдала его в глазах людей и вернула его потомкам доброе имя.

Характеры героев не были полными, если бы писатель изображал только их социально-классовую сторону жизни. Ведь герои И. Машбаша мирные труженики, хлеборобы, рождающиеся и преклоняющиеся перед теплом солнца, они любят и любимы. Любовная линия сюжета углубляет образы героев. Трогательна своей чистотой, верностью, бескорыстностью любовь Моса и Аказы, Тамбира и Цицары, загоравшийся «уголек» любви Агуры и Батчерия. Любовь смягчает самое черствое сердце, делает его снисходительным, утрата любви ожесточает. Так, смерть Агуры озлобляет Батчерия. Быть может, если б Агура выжила, по-иному сложилась бы судьба Батчерия. Любовь придает силы Мосу отправиться за возлюбленной в

Турцию и выволить ее из неволи. Любовь и верность Цицары придает силы Тамбиру в его неравной борьбе с жестокостью и несправедливостью, а Цицаре, переодевшись в мужчину, мстит, как ей казалось, за убитого мужа.

Герои И. Машбаша напоминают нартские персонажи: Цицара «с чисто мужской хваткой поймала в загоне овцу, взвалила на плечи и понесла», [4; с. 419]. более того, «Цицара точила нож сама...».

Этот фрагмент напоминает фольклорный сюжет о снохе-богатыре, спасшей свой аул, сразившись с богатырем крымского хана и победившей его. Этот сюжет также стал основой поэмы А. Гадагатля «Лащын».

Кърым хъаным лулэу Гульыр	Трубка крымского хана
Ецохъохышь, ьжэ Юзы,	Выползает изо рта,
Ау ащ псынкІэу зыкъешІэжьышь	Но, быстро опомнившись,
Шъабэу, хъаджэу Лащын къеплгы.	Мягко мулой смотрит
Чэм къэщыным	на Лащын.
Нэфэшъхъаф	Кроме дойки коровы
Апшгэ ифэу	Не умеют
Мыщ сэ сшагъэп.	Я думал ничего
Мы фэдэр	О такой
Орэд ашы,	Песни слагают,
АггэшІагъоу	Удивляясь,
Къахэнэжьы!	Вспоминают.
Нысэ хъупхъэу	Примерной снохе
Пелыуаным	Богатырю
СипкІэгъуалэ	Коня своего
Сэ къесэты!	Я дарю.
Нарты фэд ар! [1; с. 208].	Она словно нарт!
	(досл. пер.).

Именем нартской героини названа мать братьев Хагуровых - Лашына, олицетворение материнской любви и долготерпимости. Горька и трудна ее жизнь. После смерти мужа она одна поднимала и воспитывала девять сыновей. Анзаур говорит: «Иногда встречаю их мать, Лящину, и думаю, как она могла выходить такую ораву? Сколько надо иметь силы, терпения? И никогда не пожалуется. Да еще такая веселая, радостная, будто не воз тяжелый волочит, а налегке идет... » (С. 20).

Характеры героев И. Машбаш раскрывает не только во взаимодействии героев друг с другом, но и в отношении к семье и труду, в общении с природой. Фольклору не присущи пейзаж как художественное описание природы. Природа выступает в своем прямом назначении участника событий, указывает место, обстоятельство действия. Природа в фольклоре - это горы, леса, реки, которые могут быть препятствием на пути героя или средством его спасения от врагов. Но детали природы - облака, тучи, солнце и другие обязательно оказываются источником образной речи: сравнений, метафор, параллелизмов и т. д.

«Прикоснется он к земле -

Скученным туманом становится» [74; с. 29-30] - так поэтично рисуется неуловимость Айдемиркана.

В литературном произведении природа становится средством типизации образа героя, изображения обстоятельств его действий. Так первые строки романа отданы описанию Солнца, поднимающегося из-за горы Пепану. И. Машбаш обращается к природным явлениям для того, чтобы поведать о языческой вере шапсугов, их поклонении Солнцу. Писатель также использует пейзажи как средство характеристики и природы, и человеческой жизни, обращаясь к сравнению: «Уже наступила осень, но всюду еще хранились следы недавнего зноя. Солнце поднимается медленно, оно устало за долгие месяцы работы и не спешит приниматься за дело. Наверное поэтому осенние дни кажутся такими долгими. Притих и лес. Поникли желтые листья, смотрят

вниз, словно выискивают место для долгого зимнего сна. Листья больше не шепчутся, они погружены в нерадостные думы.

Так же человек в старости, на пороге смерти, печально задумывается о пролетевших днях своей весны, своего лета» [4; с. 72].

С помощью описаний природы И. Машбаш передает мысли, переживания, душевное состояние героя. Подобный прием реализуется и Т. Керашевым в исторической прозе, о чем было сказано выше. У И. Машбаша описания природы отличаются скупостью художественных средств, лаконизмом. Так, передавая досаду Али-Султана, он пишет: «Первый раз Али-Султан разговаривал с отцом таким тоном и так серьезно. Впервые показал ему, что он умен и силен духом. От этого ему почему-то стало нехорошо - померкло утреннее солнце, горы показались угрюмыми. Рвануть бы коня, кинуться на простор, вон на ту горную снежную вершину, только ветер бы засвистел в ушах. Но нет, древний закон предков не велит ему восстать против воли отца, требует покорности старшему. Али-Султан сник, плечи опустились» [4; с. 106].

Стремясь соответствовать правде жизни, И. Машбаш подчеркивает в романе нравственную силу обычаев народа, соблюдение «адыгэ хабзэ» (адыгства), как способ раскрытия национального характера адыга и в целом адыгского общества в преддверии трагической Бзюкской битвы. Для решения этой задачи И. Машбаш вводит в ткань романа многочисленные этнографические отступления. «Не стремится ли он (писатель - Д. Н.) идеализировать национальный этикет?» [74; с. 202]. К. Шаззо уверен в том, что этнографические «очерки» весьма выигрышны для реконструкции особенностей эпохи. И. Машбаш специально их не создает, а вплетает в общий художественный контекст, в его эпическую ткань. Этнографические зарисовки кажутся очень ценными еще оттого, что ныне многие из выбранного народом веками этикета, правил поведения стали обесцениваться. И. Машбаш вслед за Т. Керашевым вновь ставит вопрос, что

такое адыгский этикет (адыгэ хабз), адыгство? Что в нем подлинно красиво, что нет? Автор своим романом отвечает, что «адыгэ хабзэ» никоим образом не противоречит тому кодексу человеческого поведения, который выработан цивилизованными обществами. Только, может быть, красивое, приемлемое для всех, имеет свою адыгскую национальную окраску» [74; с. 202].

И. Машбаш подробно описывает обряды адыгов 18 века, скрупулезно останавливаясь на каждой мелочи, детали, таким образом воспроизводя атмосферу эпохи, ее национальный колорит. Среди этнографических «очерков» в романе необходимо отметить описанный в романе обряд аталычества. Подробное описание обряда социально обусловлено. Существовало две причины, побудившие людей отдавать детей на воспитание аталыку. Первая - морально-психологическая: «Родительская всепрощающая любовь - плохой союзник мальчику, который должен стать сильным мужчиной, храбрым войном, поэтому знатные адыги отдавали своих сыновей в аталычество - на воспитание проверенным людям, славным родом и честью» [4; с. 3]. Вторая - социальная, стремление породниться с сильным родом, тем самым заручиться его поддержкой.

Итак, по мнению К. Шаззо, «аталычество имело немалый социальный и нравственный смысл в жизни, нравах, психологии адыгов» [74; с. 201].

Философию обряда «чапц» И. Машбаш передает так: «Издавна адыги считали, что человека надо лечить не только снадобьями, но и радостью, весельем, которое передается больному и своей силой изгоняет хворь. Эти своеобразные увесилительные игры у постели больного адыги называли «чапц». Здесь пели веселые песни, плясали, затевали разные игры, состязались в борьбе, ловкости, остроумии. Пели особую песню, в которой просили Тлепша, покровителя воинов, выковать больному крепкое здоровье, без которого мужчине никак нельзя» [4; с. 29].

Подробным описанием кунацкой и ее предназначения писатель раскрывает национальный характер адыга: его гостеприимство, почтительное

отношение к гостю. Подробное описание кунацких говорит об аскетичности, чистоплотности адыгов. Главное же - в кунацких рождались песни и легенды «... и как знать, не в кунацких ли зародились первые мысли о неравенстве тфокотлей и родовитых, не в них ли были посеяны и проросли первые семена сомнений, не отсюда ли разнес их ветер по всей адыгской земле» [4; с. 131].

Этнографический «очерк» знакомит читателя не только с самим обрядом, но и с миропониманием, восприятием адыгом прошлого.

С помощью этнографических отступлений И. Машбашу удается нарисовать образ каждого племени, не упустить из виду в общеадыгском характерное для шапсуга, темиргоевца, бжедуга, абадзеха, натухаевца, выражающееся в разговоре, жесте, характере, мышлении. Обилие этнографических вставок придает публицистическую окраску стилю писателя. Порой они неожиданно появляются в сюжете, не имея с ним видимой связи. Например, размеренное повествование об эскорте всадников, сопровождающих Алкеса, возвращающегося в отчий дом из аталычества, неожиданно прерывается размышлением писателя: «Бжедуги, темиргоевцы, шапсуги, абадзехи, убыхи, бесленеевцы, кабардинцы - дети одной земли, все одного адыгского корня, а не умели объединиться и жить одной семьей, дружно защищаться от неприятеля. Ссорились между собой князья из-за земель, из-за власти не давало им честолюбие и тщеславие. Ссорились князья и ссорили ни в чем неповинных крестьян, проливали их кровь. Враждовали годами, десятилетиями. Вот поэтому-то опасными были дороги адыгской земли, поэтому мужчины не расставались с оружием, даже когда возделывали поля, с детства учили своих сыновей владеть винтовкой и саблей, крепко держаться в седле» [4; с. 7].

Несмотря на отсутствие видимой текстологической связи этого отступления с повествованием, есть логическая, авторская связь, стремление поведать об особенностях адыгского национального характера.

И. Машбаш смог отказаться от традиции черно-белого изображения действительности, он не идеализирует адыгов, показывает их характер во всей их противоречивости:

«Почему-то несчастья с теми, кто стоит выше нас, доставляют нам тайную радость. На словах мы всегда готовы выразить сочувствие, а в душе тоненький, писклявый голосочек поет: «так ему и надо!» Почему так - никто не знает» [4; с. 139].

Осознать суть мужества, право называться мужчиной было высшей наградой для адыга. Толкованию мужества посвящает рассуждения своих героев Т. Керашев. Близок к нему и И. Машбаш. Но если героям Т. Керашева присущи красноречивые рассуждения, подтверждаемые поступками, то И. Машбаш более лаконичен и категоричен: «Мужество - клад, который не так то просто отыскать в самом себе, а если уж отыскал, он останется с тобой на всю жизнь» [4; с. 152].

Эти и другие нравственные проблемы и их видение автором глазами героев составляют значительное нравственное ядро романа. Так, И. Машбаш негодует против позорного явления для всей человеческой цивилизации - работорговли. Этот подлый промысел олицетворяют в романе два образа - Мамруко и Макай - люди, потерявшие все человеческое, живущие лишь хищническими инстинктами да жадой наживы. Их девиз - все брать у жизни сейчас, не дожидаясь блаженства в загробном мире.

Набрасывая образы своих лицемерных и по сути трусливых героев, автор характеризует через размышления Талата (толмача работорговца Мурад-Мирзы): «При случае вы перережете друг другу глотки, не вспомнив аллаха. Лишь бы остался доволен ваш главный бог - золото» [4; с. 38].

Следуя традиционной антитезе добра и зла в народной морали, И. Машбаш, в противовес неизменному и жестокому провозглашает высокие нравственные принципы народа, жизненное кредо адыгов: «Каким тебя увидят люди, таким ты им покажешься, а каким покажешься, таким сочтут,

такую цену назначат и потом по ней станут воздавать тебе. Цени не только мнение друга, но всех людей. Их отношение сделает тебя или несчастным, или счастливым. Помни это, думай об этом и старайся показать себя таким, каков на самом деле. Слабость твою, неумение люди могут простить, больше того - они дадут тебе часть своей силы и знаний, но обман ни за что не простят. Помни это» [4; с. 160].

Этот лейтмотив соединяет все компоненты романа «Раскаты далекого грома» («Бзыикьо зау») И.Машбаша, участвуя в создании эпического образа народа, создавая психологически глубокий национальный характер.

Сошлемся на мнение критика Ю. Суровцева, который в обзоре современной исторической романистики пишет: «Подлинной эпичностью отмечены, например, исторический роман адыгейского писателя Исхака Машбаша «Раскаты далекого грома». Это большое полотно, где передача национального своеобразия и социально-вдумчивый анализ характеров и событий сплетены умело и накрепко, без зияний. Благодаря этому во многом уникальный факт крестьянского самоуправления, которого добились на какое-то время восставшие в конце 18 века адыгские землепашцы, приобретает значение предвестия иной грозы» (« Правда». - 1984. - 3 май).

Своеобразие романа определяется также воссозданием национального колорита эпохи, которое удалось писателю создать в большей степени путем трансформации фольклорных традиций в роман. «Под фольклорными традициями мы понимаем относительно устойчивые идейные и эстетические принципы художественного освоения действительности в устном народном творчестве, присущие и литературе», - пишет Е. П. Шибинская в диссертационной работе «Становление жанра в младописьменной литературе» [74; с. 19]. Соглашаясь с утверждением ученого о том, что говорить о фольклорных традициях в творчестве писателя можно лишь понимая их широко; «иметь в виду не только использование сюжетов, мотивов народных произведений, образные ассоциации, изобразительные

средства фольклора, но и принципы художественного мышления, приемы композиции, сюжетопостроения, способы обобщения при создании образов, присущие фольклору», мы заключаем, что И. Машбаш бесспорно обогатил идейно-художественное содержание романа за счет творческого использования сюжетов, мотивов, приемов и изобразительных средств фольклора. Художественно-содержательный пласт романа подкрепляется введением в его ткань многочисленных притч и легенд. Так, к притче «О том, в каком возрасте парня можно считать мужчиной» И. Машбаш воспроизвел древнеадыгское искусство иносказания. Мы позволили себе привести его полностью.

«Однажды по пути в Темиргою я встретил стаю в двадцать волков. Я знал, что волки могут разорвать меня в клочья, но все-таки я не свернул с дороги. Волки разбежались по сторонам и пропустили меня, даже не зарычав, не показав своих страшных клыков. Продолжая путь, я встретил тридцать невест и, хотя знал, что невесты не волки, на всякий случай обошел их. Потом встретились мне шестьдесят стриженных коней. И я тоже прошел мимо. Тут же мне попало восемнадцать скакунов - я оставил позади и их. А дальше ... не вечно же мне идти? Наконец, пришел в Темиргою». Так поведал Бечкан об ответе одного парня на вопрос: «В каком возрасте парня можно считать мужчиной?».

- Он прошел стаю в двадцать волков. Не испугался, не дрогнул. Ему было двадцать лет. В эти годы парень не думает об опасности, он бесстрашен, больше заботиться о своей чести. В тридцать лет человек обретает мужество, ум, силу - зачем ему соблазн? Шестьдесят коней - это его шестьдесят лет, тут ему не до лихих скакунов. А восемьдесят коней - это уже глубокая старость, каждый спешит в свою Темиргою на покой. Мужчина - всегда мужчина, только разный, как велят ему его годы» [4; с. 168]. Используя притчу, И. Машбаш, подчеркивает ум молодого Дзепца, который хорошо усвоил уроки отца: «Когда я был еще совсем мальчишкой, отец рассказал мне эту притчу.

он говорил, мужчина от самого рождения и до конца своего должен быть мужчиной. Я хорошо запомнил его слова» [4; с. 168].

Используя другую притчу, И. Машбаш показывает глубину душевных переживаний Алкеса Хаджемукова, который вынужден подчиниться решению большинства и развязать войну против шапсугов - людей, воспитавших и вскормивших его. И как укор совести он вспоминает притчу: «... в горном ущелье схватились в битве абадзехи и бжедуги. Кровавой была схватка. Поредели ряды бжедугов. Они отступили, оставив на поле боя раненых. Оставили и своего князя. Предводитель абадзехов узнал в князе абадзехского воспитанника:

- Вырежьте его сердце тупым ножом и бросьте собакам - мы воспитали князя, а он поднял на нас оружие, хотя вскормлен молоком абадзехской женщины... » [4; с. 518-519].

Итак, включенные в роман фольклорные сюжеты и мотивы способствуют психологизации образов, созданию национального характера и тем самым укрупняют художественное своеобразие романа.

То же можно сказать и об использовании народных загадок: «Волк, которого никто не съест» (огонь); «Три чуда, которые невозможно сделать... (в небо не закинешь лестницу и не поднимешься по ней. Раз. В решете воду не носят. Два. Масло не жарят на вилке. Три); «Ходит вместе с тобой, а позовешь не слышит и не откликается (тень)».

Многочисленны и ярки в романе пословицы: «Помогая другим, помогаешь этим себе», «Если сделал кому-нибудь добро и потом требуешь благодарности, значит, открываешь двери беде», «Кто съел обиду, тот съел и голову обидчика» и т. д.

Если Т. Керашев растворял в художественном тексте фольклор, рассыпал пословицы по всему роману, то И. Машбашу присущ иной стиль. Он группирует и включает фольклорные сюжеты компактно в одном месте романа. Порой создается впечатление, что их можно безболезненно изъять из

текста. Но это не так. Например, многочисленное перечисление пословиц и поговорок в диалоге Бечкана и старика - косаря указывает на народные корни этих героев, их отношение к труду, любовь к земле, духовные качества и языковые особенности племени, к которому относятся собеседники:

«- Восточный ветер носит: кто корове сена не накосит, тот несчастный человек. У вас не говорят так, сын мой?

- Весенняя трава кудрявится; кто не накосит в зиму сена и без молока останется, несчастный человек, - так у нас говорят, счастливый тхаматэ.
 - Верно говорят... Сухая ложка рот дерет - это тоже про молоко, про масло, значит и про сено.
 - В сенокос, потом обольешься - зимой сметаной зальешься.
 - Мудро, мудро мой младший брат, - довольно щурясь, улыбнулся косарь.
 - И еще у нас говорят: пустой дом - холодная пещера, пустой анэ - всего лишь круглая доска.
 - У кого есть достаток, - поддержал старик, - у того трубка величиной с корзину.
 - А у кого нет достатка, у того мяса в супе не больше, чем на воробье.
- Совсем заулыбался старик:
- Сразу видно, сын мой, что ты из Тозепса» [4; с. 146].

Включение фольклорных материалов в ткань романа дает возможность писателю воссоздать национальную атмосферу времени, предать мировидение народа, его нравственные идеалы.

Ценные в традиционном адыгстве идеи человечности и справедливости проводятся через образы адыга Тамбира и русского Мишки Некраса. Во многом благодаря их образам тема братства и взаимопомощи народов занимает в романе одно из центральных мест, ибо И. Машбаш верен реальности жизни. Писатель не превозносит и не идеализирует эту тему,

говоря, к примеру, о противоречивых чувствах Мишки, о его печали и тоске по родным местам, людям, обычаям. Но это не мешает герою оценить оказанное ему адыгами гостеприимство и покровительство. Верность истине писателя определила и некоторые сюжетные линии романа. Так Агура не могла стать женой Мишки. Он мог полюбить только русскую девушку, этим как бы компенсируя свою оторванность от родных корней. Образ Агуры выпадал из сюжетно-композиционной структуры романа. Ее смертью писатель разрешает сложный конфликт. История Некраса способствует изображению силы обычаев и традиций народа. К примеру, обычай гостеприимства понуждает абадзехов стать выше своих религиозных представлений и принять в свою «семью» иноверца Мишку Некраса, более того - женить его на «гяурке» и устроить всем аулом невиданный свадебный джегу.

Обычай гостеприимства помешал в какой-то степени бжедугскому хасэ прислушаться к разумным предостережениям Алкеса Хаджемукова: не развязывать кровопролитной братоубийственной войны из-за Шеретлуковых. Ведь по обычаю отказ бжедугов в защите Шеретлуковым рассматривался как нарушение обычая гостеприимства. Алкес Хаджемуков был дальновиднее, т.к. мог освободиться от сковывающих мысль и поступки условностей и прямолинейных толкований обычаев.

Таким образом, И. Машбаш посредством обращения к обычаям и традициям адыгов 18 века психологически мотивирует поступки своих героев. И этот момент составляет одну из граней своеобразия романа.

Многоплановость его композиции, масштаб повествования велики, круг действующих лиц широк. Тем не менее при обилии эпических картин, множестве разнообразных эпизодов действие в романе свободно, естественно переключается из одного повествовательного плана в другой, давая многостороннее изображение эпохи в ее различных разрезах.

При всем внимании к раскрытию исторического, социального в фигурах его героев, никогда не обходит личного, живого, человеческого в их характеристике.

Бзюкская битва стала кульминацией романа как момент духовного откровения народа в целом и каждого героя в отдельности. Битва подвела черту под судьбами героев. Так не раз ошибались в жизни Бороко и Ахиджак Анзаур. Но смертью они искупили свою вину перед людьми и перед собой. В братоубийственной войне нет ни побежденных, ни победителей. Только боль и горе. «Сгорбившись под тяжестью горя, ходил эффенди, призывая правоверных к милосердию. Он, кажется, только сейчас понял, как далеки еще люди от братской любви, и ужаснулся бездне между людьми и богом. Чалма эффенди сползла к плечу, но не замечал этого, был перед тем, что случилось на прекрасной поляне, под прекрасным небом» [4; с. 527].

Логическим и композиционным завершением романа является финальная сцена прощания Алкеса Хаджемукова с родными перед поездкой в Каабу. Финал писатель оставляет открытым: «Со стороны гор, тяжело ворочаясь, двигались черные тучи со зловещими белыми бочками, обещаая град и бурю. Блеснула ослепительная молния, над землей прокатился отдаленный рокот грома». [4; с. 534]. Эту тему продолжил И. Машбаш в последующем историческом романе «Жернова».

Язык романа «Раскаты далекого грома»

Как отмечалось, своеобразие творчества писателя выражается в его художественном угле зрения, осмыслении темы, в его мастерстве, особенностях авторского стиля. Язык романа «Бзыикъо зау» своеобразен и в чем-то уникален: И. Машбаш, отказавшись от единичных архаических деталей, передающих колорит времени, наделил героев диалектной речью. Ее введение в роман, на наш взгляд, обновили стиль романа, сделав его новым в

адыгейской литературе, но в то же время утяжелили язык произведения, лишив его простоты, порой ясности, доступности для чтения.

Особенность стиля и в том, что И. Машбаш использует народно-поэтическую лексику, а также широкий спектр изобразительно-выразительных средств. Словарная основа романа представлена исконной адыгской лексикой. Архаическая же лексика накладывается на общеупотребительную современную лексику в той степени, в какой необходимо передать колорит эпохи. Писатель использует архаизмы типа: акуй (диал. - лэжьыгъаль) «сооружение для хранения зерна»), бжьэмый «музыкальный инструмент», бгъусы «одеяло из кожи овцы», бжьэкъожьый «в нем держали лекарство», гъэриб «иностранец», дэчыг «торговец», коймэ «упряжка для богатых», къуашкI «игра» и т. д.

Чтобы приблизить язык романа к народной речи, И. Машбаш использует и традиционные словесные языковые формулы. Например, герой романа, приглашая к разговору, говорит: «Гъогум лъэой къедз» (Накинька лучше лестницу на дорогу). Или автор использует формулы: «Хэт ихь сэЮо кукуум игъыбзэ къызыщрэр!» (Чья собака вытягивает из кукушки плач (в знач. сильно лает) (досл. пер.). «... ыIупэ IашIу къытенэжьыгъэп» (На губах не осталось сладости (в знач.: устал просить или уговаривать) (досл. пер.); «... слъэгупашьо кIэзгъэплъэных» (дам заглянуть под ступню (в знач. станцию) (досл. пер.); «... зигугъу ашIэу зышъхъэ тымыльэгъурэ» (тот, о ком говорят, но кого не видим (вид приветствия долгожданного гостя) (досл. пер.).

Наряду с поговорками, используются меткие фразы (гушыIэ щэрыохэр), демонстрирующие народную сметку, наблюдательность, остроумие: старый князь. Хаджемуков говорил: «БжьэMATэм бжьэпщитIу дэзэрэгъэсышъурэп» (В одном улье две пчеломатки не уживутся (букв. два пчелиных князя) (досл. пер.); «Узгес къутамэр ор-орэу гоупкIыжьы» (Сам отрубашь сук, на котором сидишь). На слова эффенди: «Губжыгъэ нэгум укIэтэджэнри шыблэ гъуагъом ухэфэнри, зиусхъан, тIури зы». (Стать перед озлобленным лицом -

все равно, что попасть под гром молнии,) - Алкес ответил: «Шыблэ гъуагъор Иофэп, ефэнды ... Иофыр шыблэр оу лыгъэр ыдзымэ ары!» (Гром молнии не страшен, эффенди, страшно, когда от грома разгорится пламя) (досл. пер.). Алкес подразумевал крестьянские волнения.

Мастерство И. Машбаша наглядно выражается в использовании изобразительно-выразительных средств, особенно при создании характеров героев. Это мастерство особенно отчетливо просматривается на материале оригинала, но в литературном переводе блекнет.

С помощью различных видов тропов писатель делает выпуклыми характеризующие героя качества. Например, о самодовольной Дарихат пишет: «блэ оным фэдэу» (как змея, готовая ужалить); «ШэрэлЫкъомэ яшхэкЫгъ» (откормленная Шеретлуковых), «гущыІэ дысыр кыжэдэтэкъоу» (рассыпая изо рта колкие слова), «ошъопцэ шІуцІэ пытхъаф пІонэу шъхъац ныкъуаблэри ыплІэІу щызэутысэ» (как обрывки черной тучи, развеваются рассыпанные на плечах полузаплетенные косы). В противоположность Дарихат, Акоза постоянно изображается с авторской симпатией, которая находит выражение в сравнениях героини с прекрасными образами природы: «Унэм ифэгъэ бзыоу кыкЫжыкІэ зымышІэрэм фэдэу гу цЫкІур бгъэм щэлъатэ, лъэкІапІэри кІэсэсыхъэ» (Как у птички, залетевшей в дом и не находящей выхода, маленькое сердце колотится в груди, ноги подкашиваются) (досл. пер.); «... къамзэгу бгы псыгъо цЫкІум фэдэу хъупхъэу» (трудолюбивая, как с тонкой талией муравей) (досл. пер.).

Тропы служат и для авторского выражения негативного отношения к героям. Так, И. Машбаш часто использует сравнения в характеристике жестокого Мерзабеча: «Ин-инэу, дзыо ушъагъ пІонэу» (большой, словно набитый мешок); «Джэе нахэ пІонэу... » (Словно взгляд сома...), работорговца Мамруко сравнивает с вороной: «ошъо гъэнэфагъэ зимыІэ къолэжъ макъэкІэ Мамрыкъор, «кыыр-кыркъ» Іоу щхыгъэ» [5; с. 42].

(голосом вороны, не имеющей родного неба, Мамруко рассмеялся: «кыркырк») (досл. пер.).

Художественному стилю И. Машбаша присуще разнообразие средств изображения характера героя. Например, Машбаш применяет различные виды портретной характеристики: подробное описание внешности героя в авторском монологе, портрет героя, проступающий в диалогах других персонажей. Но чаще всего писатель работает с помощью детали, беря один факт, один образ, раскрывающий суть характера героя. Например, автор о Хагуре пишет так: «Уахътэр кӀуатэу кӀачӀэу иӀэм хахьо къэсми, ильышӀэжь нахь зыкъеӀэты, итыгъуаси чэтэ кӀэлъыкӀыгъэу къыздырехъакӀы» [5; с. 59]. (С течением времени, с ростом силы растёт и чувство мести; носит с собой «вчерашнее» отточенным кинжалом) (досл. пер.). О Тхахохе, будущем предводителе шапсугских крестьян во время Бзиюкской битвы, пишет: «Шугъэп Тхяхъохъум икъэплъакӀэ, бжъэкъуитӀу шӀуцӀэ зытет быгъу Ӏэлым фэдэу ыпашъхъэ итыгъ, ыльэкӀымэ чӀыгум хигулӀэни, дидзыени - ридзыыхъыныгы» [5; с. 54]. (Недобрый взгляд у Тхахоха, он как взбесившийся бык с двумя черными рогами стоял перед ним, готовый подкинуть вверх и сбросить вниз, загнать его в землю) (досл. пер.).

Но когда портретная характеристика, по мнению писателя, служит психологизации образа, автор подробно описывает героя, не скупясь на развернутые метафоры, сравнения и эпитеты. Так возникает портрет разбойника Мамруко: «Кутакъэм ехъщыр нэгум адыгэ нэгумрэ нэгъой нэгумрэ банэ щызэрашӀылӀи текӀуагъэр умышӀэнэу нэпэкъышху, пэ шъуамбгъом нэгъоиль зэрэхэфагъэр пшигъэгъупшэрэп» [5; с. 112].

(На лице, похожем на колесо, словно поборолось адыгское и ногайское лицо, крупнословенное, невозможно определить, кто победил, в широком носе усматривается ногайская кровь, напоминающая о происхождении) (досл. пер.).

Свое отношение к герою И. Машбаш высказывает и необычностью сравнений, и интонациями.

В описании же княжича Алкеса авторская интонация в корне меняется: «...Алкъэс пщы кІалэу непэ пІурыпІэм рашцъжърэм ыІэ фыжьхэу шъхъарыщэигъэхэм пчэдыжьыпэ тыгъэпсхэр арычъэхі, ыІэбжьэпэ шэплъымэ атежьыукІыгъэх. Ачэф пІокІэ къыхэкІыгъакІэу пэкІэ кьежьэгъакІэр нэгуф псыгъо фэкІыхъашъом хэзагъэ, ыныбжь емылътыгъэу ІупшІэ мыпІокІэ - мыІужъумэ гупсэфыгъо гъэтІылыгъэ горэ къыхалъхъэ...» [5; с. 112]. (По белым рукам Алкеса, возвращающегося с аталычества, пробежали утренние солнечные лучи, высветив его розовые ногти. Словно прорастающее просо, пробивающиеся усики гармонируют с узким бледноватым лицом, несмотря на возраст, нетолстые и нетонкие губы придают какое-то спокойствие лицу...) (досл. пер.).

«Пщы кІэлэ шъыпкъ, фэкъолІ мин ахэбдзагъэми тыгъэм фэдэу къахэщын» [5; с. 94].

(Настоящий княжеский сын, среди тсячи крестьян не перепутаешь, высветится как солнце) (досл. пер.).

Здесь тропы берутся из природного источника, причем природа порой опоэтизирована.

Итак, своеобразие романа «Бзыикъо зау» («Раскаты далекого грома») И. Машбаша заключается в следующем:

- в нем дано художественное осмысление исторического факта (Бзюкская битва), имевшего важное значение в истории адыгов;
- повествование явилось первым собственно-историческим романом о 18 веке;
- в романе трансформированы национальные художественные традиции, широко использован фольклор;
- новаторским является стиль романа как исторического произведения в решении проблем изображения роли народа, создания

общенационального народного характера. Широта изображения событий, разворачивающихся по всей адыгской земле и за ее пределами.

Роман тяготеет к эпопейности.

Итак, особенности третьего этапа литературного процесса выявились прежде всего в становлении и развитии собственно исторического романа. В объяснении причин этого явления сошлемся на мнение У. Панеша: «Национальные условия и специфика становления новописьменных литератур оказали вместе с тем существенное влияние на историю жанра. Сказалось это в том, что рождение исторической прозы, особенно романа, происходило с особыми затруднениями. Сравнительно четкая жанровая дифференциация этого вида прозы произошла в адыгейской литературе только в 60-х годах, а в кабардинской этот процесс протекал даже несколько позже. Что касается черкесской литературы, то до 70-х годов в ней не появилось сколько-нибудь общезначимых эстетических явлений на тему прошлого» [52; с. 183]. Первым опытом структурно-стилевых исканий в адыгейской исторической прозе, как мы показали, явились романы Т. Керашева «Одинокий всадник» и И. Машбаша «Раскаты далекого грома» («Бзыикьо зау»). Безусловно жанровое формирование повествований о далеком прошлом происходило под влиянием историко-революционной прозы больших эпических жанров, а эстетическая специфика во многом была предопределена влиянием фольклора. Собственно новым культурно-историческим обстоятельствам, идущим в литературе художественным процессам возникли контуры нового этапа в адыгском литературном развитии: четвертый период, «четко обозначившийся в последнее десятилетие новыми крупными произведениями И. Машбаша, А. Евтыха, Ю. Чуюко, тяготевшими к широкому, понорамному, а некоторые - к эпопейному мышлению. Тут и новые романы П. Кошубаева, С. Панеша, повести Н. Куека и другие» [45; с. 54].

Появилось большое число произведений на историческую тему: «Щит Тибарда» (1982), «Расколотый щит» (1994), Т. Адыгова «Ищи, где не прятал» (1990), «Страшен путь на Ошхамахо» (1980) М. Эльберда, «Сказание о железном волке» (1993), «Милосердие черных гор или смерть за черной речкой» (2003) Ю.Чуяко, «Громовой гул» (1994) М. Лохвицкого, «Вино мертвых» (2002) Н.Куюка, «Жернова» (1994), «Белая птица» (1994), «Два пленника» (1997), «Хан-Гирей» (1998), «Радедя» (1999), «Адыги» (2002), «От восхода до заката» (2005) И. Машбаша, «Кавказ» М. Кандура и другие.

Для многих произведений стали характерными органичные сопряжения прошлого с современностью, с сегодняшней жизнью. Сам принцип обращения к прошлому необходим для того, чтобы разобраться в настоящем, объяснить, художественно исследовать закономерность и неслучайность избранного народом пути, выбора народом своей судьбы.

Исторический роман в современной адыгейской литературе характеризуется умением авторов осознать и осмыслить историческую действительность, наличием глубокого историзма мышления, индивидуального национально-художественного стиля, что и определяет его своеобразие.

Литература

I

1. Гадагатль, А.М. Дороги. (Поэмы и стихи) / А.М. Гадагатль. - Майкоп: Адыг. отд. Краснодарск. кн. изд-ва, 1972. - 248 с.
2. Керашев, Т.М. Одинокий всадник: роман / Т.М. Керашев. - Майкоп: Адыг. отд. Краснодарск. кн. изд-ва, 1977. - 296 с.

3. Машбаш, И.Ш. Хан-Гирей: исторический роман / И.Ш. Машбаш. - Майкоп: Адыгея, 1998. - 832 с.
4. Машбаш, И.Ш. Раскаты далекого грома: роман / И.Ш. Машбаш. - М.: Сов. писатель, 1982. - 534 с.
5. Машбаш, И.Ш. Бзиюкская битва: роман. Кн. 1 / И.Ш. Машбаш. - Майкоп: Адыг. отд. Краснодарск. кн. изд-ва, 1976. - 367 с. (на адыг яз.).
6. Машбаш, И.Ш. Бзиюкская битва: роман. Кн. 2 / И.Ш. Машбаш. - Майкоп: Адыг. отд. Краснодарск. кн. изд-ва, 1978. - 448 с.(на адыг яз.).
7. Шортанов, А. Горцы: роман / А. Шортанов. - М., 1978. - 320 с.
8. Эльберд, М. Страшен путь на Ошхамахо / М. Эльберд. - М.: Сов. писатель, 1987. - 384 с.

II

9. Авидзба, В.Ш. Абхазский роман / В.Ш. Авидзба. - Сухуми, 1997. - 162с.
10. Актуальные вопросы Кабардино-Балкарской фольклористики и литературоведения. - Нальчик, 1986. - 175 с.
11. Александрова, Л.П. Советский исторический роман и вопросы историзма / Л.П. Александрова. - Киев, 1971.
12. Алексей Толстой о литературе. - М.: Худож. лит., 1956.
13. Алиева, А.И. Фольклорные традиции в младописьменном романе / А.И. Алиева // Современный роман: Новаторство. Поэтика. Типология. - М., 1978.
14. Алиева, М.И. Становление исторической прозы в творчестве Тембота Керашева: дис... канд. филол. наук / М.И. Алиева. - Майкоп, 1993. - 173 с.
15. Алпатов, А.В. Алексей Толстой - мастер исторического романа / А.В. Алпатов. - М.: Сов. писатель, 1958. - 356 с.
16. Баков, Х.И. Тембот Керашев и современная адыгская проза /Х.И. Баков // Ученые записки АНИИ экономики, языка, литературы и истории. Т. 18. - Майкоп, 1973. - С. 56-103.

- 17.Бекизова, Л.А. Историзм как принцип художественного осмысления человека и действительности в адыгской прозе / Л.А. Бекизова // Современный литературный процесс. Проблемы историзма. - Черкесск, 1989.
- 18.Бекизова, Л.А. От богатырского эпоса к роману. Национально-художественные традиции и развитие повествовательных жанров адыгских литератур / Л.А. Бекизова. - Черкесск: Карачаево-Черкесское отд. Ставропольск. кн. изд-ва, 1974. - 288 с.
- 19.Бекизова, Л.А. Ответственность слова: Литературно-критические статьи разных лет / Л.А. Бекизова. - Черкесск: Карачаево-Черкесское отд. Ставропольск. кн. изд-ва, 1981. - 284 с.
- 20.Белая, Г.А. Историзм как нравственная и художественная позиция писателя / Г.А. Белая // Жанрово-стилевые искания современной советской прозы. - М., 1971.
- 21.Белая, Г.А. Художественный мир современной прозы / Г.А. Белая . - М: Наука, 1983. - 191 с.
- 22.Веселовский, А.Н. Историческая поэтика / А.Н. Веселовский. - Л.: Худож. лит., 1940. - 648 с.
- 23.Виноградов, В.В. Проблемы русской стилистики / А.Н. Веселовский. - М.: Высш. шк., 1981. - 320 с.
- 24.Виноградов, В.В. О языке художественной прозы: избр. тр. / В.В. Виноградов. - М.: Наука, 1980. - 360 с.
- 25.Виноградов, В.В. Язык и стиль русских писателей: От Карамзина до Гоголя / В.В. Виноградов. - М.: Наука, 1990. - 386 с.
- 26.Воробьева, Н.Н. Принципы историзма в изображении характера: Классическая традиция и литература / Н.Н. Воробьева. - М., 1978. - 264 с.
- 27.Гацак, В.М. Роман и фольклор / В.М. Гацак // Роль фольклора в развитии литератур народов СССР. - М., 1975. - С. 16-38.

28. Гачев, Г.Д. Национальные образы мира / Г.Д. Гачев. - М.: Сов. писатель, 1988. - 445 с.
29. Гордин, Я. От документа к образу (некоторые черты текущей исторической прозы) / Я. Гордин // Вопросы литературы. - 1981. - №3.
30. Горский, И.К. О двух подходах к изучению произведений историко-революционного жанра / И.К. Горский // Филол. науки. - 1997. - №3. - С. 3-14.
31. Далгат, У.Б. Эпический историзм в развитии / У.Б. Далгат // Фольклор. Проблемы историзма / У.Б. Далгат. - М.: Наука, 1988. - С. 72-101.
32. Ергук, Ш.Е. Восхождение к памяти: Размышления о прозе И. Машбаша / Ш.Е. Ергук. - Майкоп, 1990. - 135 с.
33. Есин, А.Б. Стиль литературного произведения / А. Есин // Рус. словесность. - 1997. - №4. - С. 86-92.
34. Железнов, В.Ф. Проблемы жанра исторического романа в современном литературоведении / В.Ф. Железнов // Проблемы поэтики. - Алма-Ата, 1980.
35. История адыгейской литературы. Т. 1. - Майкоп: Меоты, 1999. - 523 с.
36. История советской многонациональной литературы: в 6 т. Т. 1. - М., 1970-1974.
37. Камбачокова, Р.Х. Адыгский исторический роман (становление и развитие жанра, формирование историзма художественного мышления и проблемы художественной интерпретации исторической действительности) / Р.Х. Камбачокова. - Нальчик: Эль-Фа, 1999. - 117 с.
38. Кумахова, З.Ю. Развитие адыгских литературных языков / З.Ю. Кумахова. - М.: Наука, 1972. - 280 с.
39. Ленобль, Г. История и литература / Г. Ленобль. - М.: Худож. лит., 1977. - 300 с.
40. Лихачев, Д.С. Литература - реальность – литература / Д.С. Лихачев. - Л.: Сов. писатель, 1984. - 271 с.

- 41.Мамий, Р.Г. Пути адыгского романа / Р.Г. Мамий. - Майкоп: Адыг. отд. Краснодарск. кн. изд-ва, 1977. - 176 с.(на адыг. яз.).
- 42.Мамий, Р.Г. История и современность: Заметки о современном адыгейском романе / Р.Г. Мамий // Кубань. - 1978. - №8. - С. 96-103.
- 43.Мамий, Р.Г. Новые тенденции в развитии адыгейского романа / Р.Г. Мамий // Советский многонациональный роман. - М., 1982. - С. 162-174.
- 44.Мамий, Р.Г. «Бзиюкская битва». Критика и библиография: [О романе И. Машбаша] / Р.Г. Мамий // Соц. Адыгея. - 1978. - 22 сент.
- 45.Мамий, Р.Г. К проблеме типологии и периодизации адыгских литератур / Р.Г. Мамий // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии: тез. докл. - Майкоп, 1988. - С. 54.
- 46.Маргания, Л. Поэтика русскоязычных произведений абхазской и адыгейской литературы: дис. ... канд. филол. наук / Л. Маргания. – Майкоп: Изд-во АГУ, 1996. - 146 с.
- 47.Мусукаева, А.Х. Северокавказский роман: художественная и этнокультурная типология / А.Х. Мусукаева. - Нальчик: Эльбрус, 1993. - 191 с.
- 48.Николаев, П.А. Историзм в художественном творчестве и литературоведении / П.А. Николаев. - М.: Изд-во МГУ, 1983. - 366 с.
- 49.Оскоцкий, В.Д. Границы вымысла и пределы документальности / В.Д. Оскоцкий // Вопросы литературы. - 1980. - №6.
- 50.Оскоцкий, В.Д. Роман и история. Традиции и новаторство советского исторического романа / В.Д. Оскоцкий. - М.: Худож. лит., 1980. - 384 с.
- 51.Панеш, У.М. О мастерстве Тембота Керашева / У.М. Панеш. – Майкоп; Краснодар, 1971. - 69 с.
- 52.Панеш, У.М. Типологические связи и формирование художественно-эстетического единства адыгских литератур / У.М. Панеш. - Майкоп, 1990. - 275 с.

53. Пауткин, А.И. Советский исторический роман / А.И. Пауткин. - М.: Знание, 1970. – 273 с.
54. Петров, С.М. Русский советский исторический роман XIX века / С.М. Петров. - М.: Худож. лит., 1984. - 374 с.
55. Сакиева, С.М. Философско-нравственные аспекты современной адыгейской прозы / С.М. Сакиева // Современный литературный процесс. Герой и время. - Черкесск, 1988. - С. 106-116.
56. Словарь литературоведческих терминов / под ред. Л.И. Тимофеева, С.В. Тураева. - М., 1974.
57. Султанов, К.К. Преемственность и обновление: Современная проза Северного Кавказа и Дагестана / К.К. Султанов. - М.: Знание, 1985. - 64 с.
58. Схалыхо, А.А. Идеино-художественное становление адыгейской литературы / А.А. Схалыхо. - Майкоп: Адыг отд. Краснодарск. кн. изд-ва, 1988. - 289 с.
59. Тлепцерже, Х.Г. Судьба человеческая, судьба народная (о романе И. Машбаша «Хан-Гирей») / Х.Г. Тлепцерже // Лит. Адыгея. - 1998. - №3. - С. 137-148.
60. Тугов, В.Б. Формирование исторического романа (на материале Северокавказских литератур) / В.Б. Тугов // Традиции и современность. Метод и жанр. - Черкесск: КЧНИИ, 1986. - С. 18-44.
61. Тхагазитов, Ю.М. Эволюция художественного сознания адыгов (опыт теоретической истории: эпос, литература, роман) / Ю.М. Тхагазитов. - Нальчик: Эльбрус, 1996. - 256 с.
62. Тхагазитов, Ю.М. В поисках новой гармонии / Ю.М. Тхагазитов // Эльберд М. Ищи, где не прятал / М. Эльберд. - Нальчик, 1990. – С.
63. Унарокова, Р.Б. О некоторых аспектах из устной истории Бзиюкской битвы / Р.Б. Унарокова // Проблемы Бзиюкской битвы: история и современность. - Майкоп: Меоты, 1998. - С. 94-113.

64. Чамоков, Т.Н. Путь к человеку (о прозе И. Машбаша) / Т.Н. Чамоков // Дон. - 1980. - №1. - С. 166-173.
65. Чамоков, Т.Н. В ритме эпохи / Т.Н. Чамоков. - Нальчик: Эльбрус, 1986. - 182 с.
66. Чарный, М.Б. Путь Алексея Толстого: очерк творчества / М.Б. Чарный. - М.: Худож. лит., 1981. - 358 с.
67. Чичерин, А.В. Возникновение романа-эпопеи / А.В. Чичерин. - М.: Сов. писатель, 1975. - 376 с.
68. Чмыхов, Л.М. О жанровой специфике советского исторического романа / Л.М. Чмыхов // Проблемы историзма советской литературы. - Курск: Изд-во Курск. гос. пед. ин-та, 1984. - 156 с.
69. Чолокава, Н.Д. Специфика исторического романа / Н.Д. Чолокава // Литературная Грузия. - 1984. - №4.
70. Шаззо, К.Г. Ступени. Исхак Машбаш: жизнь и творчество / К.Г. Шаззо. - Майкоп: Адыг. кн. изд-во, 1991. - 240 с.
71. Шаззо, К.Г. Художественный конфликт и эволюция жанров в адыгских литературах / К.Г. Шаззо. - Тбилиси, 1978. - 236 с.
72. Шаззо, К. Г. ...И гордость за народ: рец. на кн. И. Машбаша «Раскаты далекого грома». «Бзиюкская битва» / К.Г. Шаззо // Сов. Кубань. - 1989. - 11 янв.
73. Шибинская (Беседина), Е.П. Путь к большому эпическому жанру. (Творческая история романа Т. Керашева «Дорога к счастью») / Е.П. Шибинская (Беседина) // Адыгейская филология. Вып. 2. - Краснодар: Изд-во КГПИ, 1967.
74. Шибинская, Е.П. Становление жанра в младописьменной литературе (на примере адыгейского романа): дис. ... канд. филол. наук / Е.П. Шибинская. - Тбилиси, 1967. - 336 с.
75. Архив АРИГИ, п. 5. - д. №16. - 1959.

76.Архив АРИГИ, п. 6. - д. №12.

77.Архив АРИГИ, п. 20. - д. №9. - 1960.

Содержание

Предисловие.....	4
Эволюция исторического романа в адыгской прозе.....	5
Художественное своеобразие исторического романа И. Машбаша «Раскаты далекого грома» («Бзыкьо зау»). Поэтика романа.....	12

Язык романа «Раскаты далекого грома».....40

Литература.....46